

К Н У Т И П Р Я Н И К

Томас ГОББС

ЛЕВИАФАН

РИПОЛ КЛАССИК
Москва

УДК 821.131.1
ББК 84(4Вел)5-4
Г57

Перевод с английского А. Гутермана

Гоббс, Томас

Г57 Левиафан / Т. Гоббс ; [пер. с англ. А. Гутермана]. — М. : РИПОЛ классик, 2018. — 624 с. — (Кнут и пряник).

ISBN 978-5-519-64112-8

Многовековой спор о природе власти между такими классиками политической мысли, как Макиавелли и Монтескье, Гоббс и Шмитт, не теряет своей актуальности и сегодня. Разобраться в тонкостях и нюансах этого разговора поможет один из ведущих специалистов по политической философии Александр Филиппов.

Читателей знаменитого трактата Томаса Гоббса «Левиафан» и по сей день завораживает созданный автором образ исполинского «искусственного человека», могущественного государства-левиафана. Читателю предлагается оригинальная версия перевода А. Гутермана 1936 года, а также фрагмент издания 1868 года, в свое время конфискованного царской цензурой.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Вел)5-4

ISBN 978-5-519-64112-8

© Издание на русском языке,
оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

МОЕМУ ВЫСОКОЧТИМОМУ
ДРУГУ МИСТЕРУ
ФРАНСИСУ ГОДОЛЬФИНУ
ИЗ ГОДОЛЬФИНА

Уважаемый сэр!

ВАШЕМУ достойнейшему брату Сиднею Годольфину угодно было при жизни признавать за моими научными работами некоторую ценность, а также и другим образом, как вы знаете, обязать меня знаками своего доброго мнения, ценными сами по себе и особенно ценными благодаря достоинствам его личности. Ибо все добродетели, располагающие человека к служению Богу или к служению своей стране, к гражданскому обществу или к личной дружбе, ярко проявлялись в его личности не как нечто, приобретенное в силу необходимости, и не как порождение случайного аффекта, а как нечто присущее ему и проникающее благородный строй его природы. Поэтому в знак уважения и благодарности к нему и преданности к вам самим я смиренно посвящаю вам этот мой трактат о государстве. Я не знаю, как свет примет этот труд и что этот свет будет думать о тех, кого он будет считать его покровителями. Ибо по дороге, осаж-

денной борющимися армиями, из которых одна борется за слишком большую свободу, а другая — за слишком широкие полномочия власти, трудно пройти неизувеченным между линиями обеих. Однако мне думается, что стремление поднять авторитет гражданской власти не будет осуждено гражданской властью и что этого стремления не будут порицать также частные люди, заявляя, что они эту власть считают чрезмерной. Впрочем, я говорю не о людях у власти, а (абстрактно) о седалище власти (наподобие тем простодушным и беспристрастным существам в римском Капитолии, которые своим шумом спасли находившихся внутри Капитолия не потому, что это были именно данные лица, а лишь потому, что они были там), нанося вред, как я полагаю, лишь тем, кто находится вне этого Капитолия, или тем, кто, находясь внутри, содействует находящимся вне его. Больше всего, может быть, способно вызвать недовольство то обстоятельство, что я некоторые тексты Священного Писания использую в других целях, чем те, в которых они обыкновенно используются другими авторами. Но я это делал с достоюльным смирением, а также в силу необходимости (диктуемой задачей моего труда), ибо эти тексты являются передовыми позициями врага, с которых он атакует гражданскую власть. Если, несмотря на все, вы увидите, что мой труд встречает всеобщее порицание, то да будет благоугодно вам оправдать себя, заявляя, что я — человек, любящий свои собственные взгляды, и что я считаю истиной все то, что я говорю, что я уважал вашего брата и уважаю вас и осмелился на этом основании присвоить себе (без вашего ведома) право считать себя

вашим, сэръ, смиреннейшим
и покорнейшим слугой.
Т. Гоббс

Париж, апрель 15/25 1651.

ВВЕДЕНИЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ искусство является подражанием природе (искусству, при помощи которого Бог создал мир и управляет им) как во многих других отношениях, так и в том, что оно умеет делать искусственное животное. Ибо, наблюдая, что жизнь есть лишь движение членов, начало которого находится в какой-нибудь основной внутренней части, не можем ли мы разве сказать, что все автоматы (механизмы, движущиеся при помощи пружин и колес, как, например, часы) имеют искусственную жизнь? В самом деле, что такое сердце, как не пружина? Что такое нервы, как не такие же нити, а суставы, как не такие же колеса, сообщающие движение всему телу так, как этого хотел мастер? Впрочем, человеческое искусство идет еще дальше, имитируя разумное и наиболее превосходное произведение природы — человека. Ибо искусством создан тот великий Левифан, который называется государством (по-латыни *Civitas*) и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом

Левиафана верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, является искусственной душой; магистрат и другие представители судебной и исполнительной власти являются искусственными суставами; награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле; благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу, *salus populi* (безопасность народа) — его занятие; советники, внушающие ему все то, что ему необходимо знать, представляют собой память; справедливость и законы представляют собой искусственный разум и волю; гражданский мир — здоровье, смута — болезнь; гражданская война — смерть. Наконец договоры и соглашения, при помощи которых были первоначально созданы, сложены вместе и объединены части политического тела, похожи на то *fiat* (да будет!) или на «Сотворим человека», которые были произнесены Богом при акте творения.

Чтобы описать природу этого искусственного человека, я буду рассматривать:

- во-первых, материал, из которого он сделан, и его мастера, то есть человека;
- во-вторых, как и путем какого соглашения он был создан, каковы точно права и власть или авторитет суверена; то, что сохраняет государство и что приводит его к распаду;
- в-третьих, что такое христианское государство, наконец, что такое царство тьмы.

В отношении первого пункта в последнее время широко пошла в ход поговорка, что мудрость приобретается не чте-

нием книг, а чтением людей. Вследствие этого те лица, которые по большей части не могут представить никакого другого доказательства своей мудрости, рады показать, что они, по их мнению, вычитали в людях, немилосердно порицая друг друга за глаза. Есть, однако, другая поговорка, которую в последнее время перестали понимать и, следуя которой, указанные лица, если бы они дали себе труд, могли бы действительно научиться читать друг друга. Это именно афоризм *nosce te ipsum* (познай самого себя), читай самого себя. Смысл этого афоризма сводился не к тому, чтобы, как это стало теперь обыкновением, поощрять людей, власть имущих, к варварскому отношению к людям, стоящим ниже их, или подстрекать людей низкого состояния к дерзкому поведению по отношению к людям вышестоящим, а к тому, чтобы поучать нас, что (в силу сходства мыслей и страстей одного человека с мыслями и страстями другого) всякий, кто будет смотреть внутрь себя и соображать, что он делает, когда он мыслит, предполагает, рассуждает, надеется, боится и т. д. и по каким мотивам он это делает, будет при этом читать и знать, каковы бывают при подобных условиях мысли и страсти всех других людей. Я говорю о сходстве самих страстей, которые одинаковы у всех людей, как расположение, страх, надежда и т. п., а не о сходстве объектов этих страстей, то есть вещей, которых желают, боятся, на которые надеются и т. п., ибо последние варьируют в зависимости от индивидуального устройства человека и особенностей его воспитания и легко ускользают от нашего познания; так что буквы человеческой души, замаранные и запутанные обычно притворством, ложью, лицемерием и ошибочными доктринами, разборчивы только для того, кто ведает наши сердца. И хотя при наблюдении действий людей мы можем иногда открыть их намерения, однако делать это без сопоставления с нашими собственными

намерениями и без различения всех обстоятельств, могущих внести изменения в дело, все равно что расшифровывать без ключа, и в большинстве случаев это значит быть обманутым или в силу слишком большой доверчивости, или в силу слишком большого недоверия в зависимости от того, является ли сам читатель в человеческих сердцах хорошим или плохим человеком.

Впрочем, как бы превосходно один человек ни читал в другом на основе его действий, он это может осуществить лишь по отношению к своим знакомым, число которых ограничено. Тот же, кто должен управлять целым народом, должен путем чтения в себе самом познать не того или другого отдельного человека, а человеческий род. И хотя это трудно сделать, труднее чем изучить какой-нибудь язык или какую-нибудь отрасль знания, однако, после того как я изложу мое чтение в себе самом в методической и ясной форме, другим останется лишь труд рассмотреть, не находят ли они то же самое также в себе самих. Ибо этого рода объекты познания не допускают никакого другого доказательства.

ЧАСТЬ I
О ЧЕЛОВЕКЕ

